

Т. БОРОВ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII в. В БОЛГАРИИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

(Итоги изучения)

После 9 сентября 1944 г. проблема русско-болгарских литературных связей привлекла большое число исследователей и стала изучаться с новых марксистско-ленинских позиций.

На границе нового этапа стоят труды двух историков старшего поколения — русского болгариста акад. Н. С. Державина и болгарского историка акад. Ив. Снегарова.

Значение книги Державина «Племенни и културни връзки между българския и руския народ» (София, 1945) заключается в популяризации рассматриваемой проблемы. Небольшая по объему работа не ставит перед собой широких исследовательских задач. Здесь прослеживаются русско-болгарские отношения начиная с VI в. до конца XIX в.; новым по сравнению с известным трудом Шишманова является обзор периода после Освобождения, т. е. после 1878 г.

Иной по характеру труд акад. Снегарова, состоящий из двух частей: «Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове X—XV в.» (1950) и «Културни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVIII в.» (1953). Специалист в области истории религии, Снегаров освещает следующие вопросы: освободительная миссия России (гл. I), русско-болгарские церковные и политические связи (гл. IV), культурно-просветительные отношения (гл. V). К сожалению, связям собственно XVIII в. в труде уделено очень мало места, а приводимый материал ничего нового сравнительно с исследованием Шишманова не дает. То же можно сказать и о книге Ж. Натана «Българско възраждане» (русский перевод — 1949).

За последние 20 лет болгарские ученые создали ряд значительных работ в области изучения культурных связей России и Болгарии. Достаточно назвать книгу профессора Софийского университета В. Велчева «Въздействието на руската класическа литература за формиране и развитие на българската литература през XIX в.» (София, 1958). Однако XVIII век как таковой

не является предметом специального исследования этого ученого. В своей книге Велчев высказывает мысль, что «можно лишь предполагать об имевшем место воздействии Ломоносова и Державина на болгарскую литературу XVIII в.»¹

В книге другого профессора того же университета, С. Русакиева, «П. Р. Славейков и руската литература» (1956) из пользовавшихся известностью в Болгарии в указанный период книг назван один только «Письмовник» Курганова.²

Изучением влияния русской литературы на древнеболгарскую занят молодой ученый Боню Ст. Ангелов, перу которого принадлежит ряд работ в этой области.³

В противовес тенденциозным утверждениям буржуазных ученых о якобы полном отсутствии духовных контактов России и Болгарии в XVIII в. Ангелов доказывает, что в эпоху турецкого рабства эти связи продолжали существовать, а в XVII—XVIII вв. даже усилились. Однако специально XVIII века Ангелов не касался.

Как видно из сказанного выше, XVIII век остается недостаточно изученным в болгарской литературоведческой науке.⁴

Непосредственно к рассматриваемой проблеме относится лишь труд Е. Метевой «Фонвизин у нас» (1958), получивший высокую оценку болгарской критики.⁵ Здесь упоминается о переводе Д. Мариновым «Всеобщей придворной грамматики» и подробно говорится о «склонении на болгарские нравы» комедии «Недоросль».

В огромном числе работ, рассматривающих роль и воздействие русских и советских писателей на болгарских, XVIII век занимает крайне скромное место. В той или иной мере он затронут в трудах проф. Н. М. Дилевского: «Рильский монастырь и Россия в XVI—XVII вв.» (1946), «Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху Возрождения» (1958), где приведен болгарский список этой грамматики, относящийся к XVIII в., а также исследование Н. Дилевского «Писмовникът на Н. Г. Курганов в биб-

¹ В. Велчев. Въдействието на руската литература през XIX в. София, 1958, стр. 33.

² С. Русакиев. П. Р. Славейков и руската литература. 1956, стр. 36—40.

³ Перечень работ Б. Ст. Ангелова до 1959 г. приводится в книге: В. Велчев и С. Русакиев. Изучаване на руско-българските и съветско-българските литературни връзки за петнадесет години. София, 1960, стр. 95.

⁴ П. Н. Берков справедливо отметил, что это положение характерно и для других славянских литератур (П. Н. Берков. Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII—XIX вв. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 5—6).

⁵ В. Велчев и С. Русакиев. Изучаване на руско-българските... връзки, стр. 97.

лиотеката на Неофит Рилски в книгохранилището на Рилския манастир» (1959).⁶

О воздействии русского писателя-архимандрита П. Величковского на болгарского монаха Спиридона — автора известной «Истории во кратце о болгарском народе славенском» (1792) — говорил проф. П. Динеков в своей статье «Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII веков» (1963).⁷

Положение проф. Е. Георгиева о том, что русская литература XVIII в. оказала сильное влияние именно в Болгарии и Сербии, «ибо попала там на благоприятную почву»,⁸ как нам кажется, не подкреплено фактами. Но попытка Георгиева расширить границы исследования — изучать связи России с южными славянами вообще — сама по себе заслуживает внимания.

Ничего нового в рассматриваемую проблему не внесли попытки выявить следы русского влияния в творчестве отдельных болгарских писателей. Так, хотя Б. Пенев в своей «Истории»⁹ и пишет о роли русской силлабики для болгарской поэзии 30-х годов XIX в., он не уточняет, однако, каким путем осуществлялось это влияние и в чем оно конкретно проявилось.¹⁰

В «Истории болгарской литературы» сказано, что «XVII и XVIII века крайне мало изучены».¹¹ Лишь отчасти этот пробел восполняет книга Б. Ст. Ангелова «Съвременници на Паисий».¹² Перу этого же ученого принадлежит обзорная статья, в которой обобщены все известные факты о распространении русской книги в средневековой Болгарии.¹³ В этой статье перечислены труды как русских ученых (М. Н. Сперанский, А. И. Соболевский, М. И. Соколов, А. И. Яцимирский, Н. С. Державин), так и болгарских.

Заключая свой обзор, Ангелов пишет: «Проблема влияния русской литературы на средневековую болгарскую впервые стала изучаться советскими учеными, именно они сделали шаг вперед в методологии исследования этой проблемы. Однако необходимы дальнейшие усилия, чтобы вскрыть действительный характер книжного обмена между этими двумя странами».¹⁴

⁶ См.: Годишник на Българския библиографски институт, VI, 1956—1957. София, 1959, стр. 153—160. Перечень трудов Дилевского см.: Език и литература, 1965, кн. 3, стр. 88—91.

⁷ ТОДРА, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 318—329.

⁸ См. в кн.: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des XVIII Jahrhunderts. Akademie-Verlag, Berlin, 1963, S. 1—9.

⁹ Б. Пенев. История на новата българска литература, т. III. София, 1937, стр. 899 и сл.

¹⁰ Там же.

¹¹ История болгарской литературы, т. I. София, 1963, стр. 402.

¹² Б. Ст. Ангелов. Съвременници на Паисий, ч. I, 1963; ч. II, 1964.

¹³ Б. Ст. Ангелов. Преглед на съчиненията върху руското книжовно проникване у нас през средните векове. — Известия за 1954 г. на Държавната библиотека «В. Коларов». София, 1956, стр. 203—207.

¹⁴ Там же, стр. 216.

В числе книг, упомянутых в обзоре В. Велчева и С. Русакиева «Изучаване на руско-българските и съветско-българските литературни връзки за петнадесет години» (1944—1959), прямое отношение к эпохе XVIII в. имеет лишь книга Е. Метевой о Фонвизине.

Из работ подобного рода, написанных советскими авторами, можно назвать статью А. Григорьева «Изучение русской классической литературы в славянских странах 1945—1957».¹⁵

Однако о XVIII веке здесь говорится так же мало, как и в обзоре Н. В. Буссе «Русско-болгарские и советско-болгарские литературные связи».¹⁶

Отметим основные факты русско-болгарских литературных связей XVIII в.

1) Первые болгарские поэты конца XVIII—начала XIX в. несомненно учились на произведениях русского классицизма XVIII в. Свидетельством тому служит воспринятое от русских и несвойственное болгарам силлабическое стихосложение.

2) М. Кифалов в предисловии к переводу книги Венелина «О зародыше новой болгарской литературы» (1842) выражает надежду на скорое появление «собственных Ломоносовых, Карамзиных, Венелиных».

3) Имена Ф. Прокоповича, Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Карамзина, Гнедича, Крылова, Пушкина и других упоминаются в статье «Руска книжнина» в газете «Цариградски вестник» за 1848 г.

4) В той же газете за 1853 г. просветитель эпохи Возрождения из Скопие Йордан Константинов-Джинот назван «философ Скопский наш Тредяковский».

Известен ряд болгарских переводов русской литературы XVIII в., а именно:

а) в бумагах Венелина обнаружен перевод стихотворения Ломоносова «Ночною темнотою» (1836), сделанный А. Ст. Кипиловским (опубликован Бессоновым в 1885 г.).

б) Два подражания оде «Бог» Державина 1859 и 1874 гг., написанные Ел. Мутевой и А. Франгя.

в) Известен ряд переводов из Карамзина: «Остров Борнгольм» (1854), песня из этой повести «Законы осуждают» (1858), стихотворение «Поэзия» (1859), «Болгары и русские» (1870), «Несколько избранных мыслей» (1875), а также переработка повести «Наталья, боярская дочь» («Невянка, болярска дъщеря») Ст. Захариева и П. Р. Славейкова (1867 и 1872) и «Бедной Лизы» («Сирота Цветанка») И. Груева (1858).

¹⁵ А. Григорьев. Изучение русской классической литературы в славянских странах 1945—1957. — «Русская литература», 1958, № 3, стр. 207—210; то же в журн.: «Език и литература», 1959, кн. 4, стр. 287—294.

¹⁶ Известия на Народната библиотека, т. III (IX), София, 1963, стр. 349—369.

г) В 1865 г. в Бухаресте был издан болгарский перевод в прозе поэмы «Душенька» И. Ф. Богдановича.

д) Переводы из Фонвизина 1872—1873 гг., о которых говорилось выше.

Отсутствие каких-либо следов проникновения произведений писателей русского классицизма и сменившего его на русской почве сентиментализма в XVIII и даже первой трети XIX в. в Болгарии, так же как и слабое представление русских о маленьком балканском народе, объясняется не только особыми общественными условиями, в которых находилась тогдашняя Болгария, но и самим характером русской литературы XVIII в. П. Н. Берков справедливо отметил, что если болгары и обращались к русской литературе в XVIII в., то «в силу исторических условий исключительно к памятникам церковно-религиозным, а не светским, и в основном к литературе XII—XVII вв., продолжавшей и в XVIII—начале XIX в. находиться в читательском обиходе русского духовенства и консервативных кругов русского купечества, т. е. тех слоев русского народа, с которыми в первую очередь общались сербские и болгарские книжники интересующего нас периода».¹⁷

Крайне недостаточную известность русской художественной литературы XVIII в. в Болгарии после 40-х годов (когда русское влияние в целом значительно усиливается) следует объяснять, вероятно, отрицательным отношением к этой литературе со стороны самой русской демократической общественности в эпоху после Пушкина и Гоголя. Так, например, Христо Ботев — наиболее яркий выразитель национального духа эпохи расцвета болгарского Возрождения, воспитанный на русской радикальной журналистике 60-х годов, писал в 1873 г., обращаясь к современному болгарским «поэтам»: «...мудроглупейшие и изряднейшие последователи нашего Сумарокова».¹⁸

Русская художественная литература XVIII в. в значительно меньшей степени отвечала запросам болгарского читателя, чем некоторые произведения немецкой, французской и даже американской литературы (известной, правда, в русских переводах).

Вместе с тем работы Н. Дилевского и Е. Метевой свидетельствуют о полезности и результативности изучения русско-болгарских связей. Большие перспективы для будущих исследований открывает широкая программа, начертанная П. Н. Берковым.

Значительным подспорьем в изучении проникновения русской литературы на болгарскую почву явятся также научные описания славянских рукописей. Назовем прежде всего капитальный труд М. Стоянова и Хр. Кодова «Опис на славянските ръкописи в Со-

¹⁷ П. Н. Берков. Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы, стр. 6.

¹⁸ Христо Ботев, Сочинения, т. III, София, 1950, стр. 126. — Имелся в виду Войников, — Ред.

фийската народна библиотека» (1964), где собрано и научно описано 308 рукописей XIII—середины XIX в., преимущественно XVIII в., при этом очень много дамаскинов и, в меньшей мере, сборников светского содержания, поступивших в библиотеку за последние 40 лет (1923—1963). Это описание безусловно поможет выявить новые материалы по связям XVIII в.

Значительный интерес представит для будущих исследователей изучение описаний каталогов библиотек: Неофита Рильского, сделанное И. Шишмановым,¹⁹ а также частных библиотек деятелей Возрождения — Л. Каравелова, С. Палаузова,²⁰ И. Н. Денкоглу,²¹ И. Селиминского,²² а также М. С. Дринова.²³ К сожалению, до сих пор не обследован каталог библиотеки В. Е. Априлова (1861), библиотеки Рильского и других монастырей.

Следует иметь в виду изданные в Болгарии накануне Освобождения учебники по словесности О. Оджакова, Т. Шишкова, Д. Войникова, где есть тексты и русских поэтов XVIII в.²⁴

Целостное и систематическое исследование вопроса о воздействии русской литературы на болгарскую требует глубокого изучения самой русской литературы указанного периода, а в этом огромную помощь окажет будущим исследователям труд П. Н. Беркова «Введение в изучение русской литературы XVIII в.» (1964).

¹⁹ Ив. Д. Шишманов. Нови студии из областта на българското възраждане. — В кн.: Сборник на Българска академия на науките год. XXI, кн. 13, София, 1926, стр. 461—497 («Библиотеката на Неофит Рилски»).

²⁰ К. Василев и Б. Тодорова-Петкова. Към историята на народната библиотека в София. (Библиотеката на Л. Каравелов. Библиотеката на С. Палаузов). — Известия за 1957—1958 г. на Държавна библиотека «В. Коларов», София, 1959, стр. 475—548.

²¹ Известия за 1959 на Народна библиотека «В Коларов», т. I (VII), София, 1961, стр. 491—525.

²² Известия за 1960—1961 г. на Народна библиотека «В. Коларов», т. II (VIII), София, 1963, стр. 565—593.

²³ Каталог на библиотеката «Марин С. Дринов». София, 1914, 270 стр.

²⁴ П. В. Оджак ов. Наука за песнотворство и стихотворство. Одеса, 1871; Т. Н. Шишк ов. Елементарна словесност. Цариград, 1873; Д. П. Войников. Ръководство за словесност. Виена, 1874.